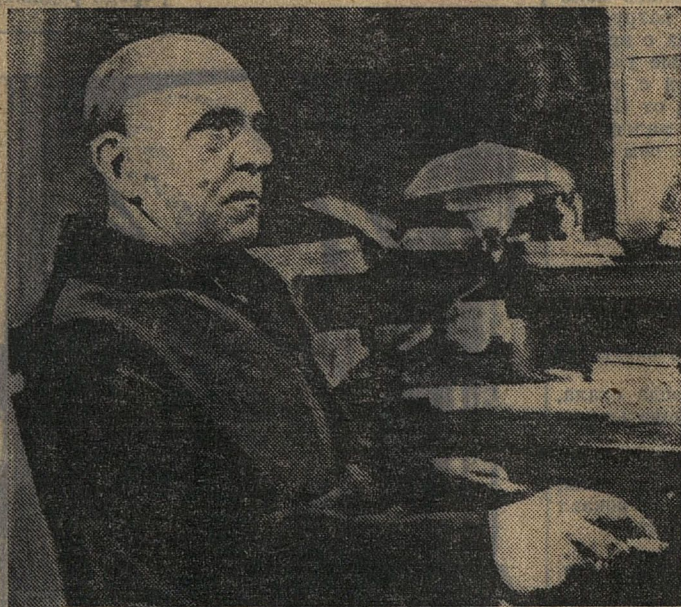

СЛЕД
В ЖИЗНИ

О поэзии Сергея Маркова

БОЯЗНЬ ЗАБЫТЬ СЛОВО

С. Н. МАРКОВ.

ТРИ ГОДА назад от нас ушел большой русский поэт Сергей Марков. Жизнь его не была легкой, зато солнечной и жизнелюбивой была его поэзия. Есть разные трактования слова «культура», мне лично ближе всего то, которое расширяет его как «культу-у-Ра» (культ бога солнца): отсюда можно вывести и свет, и просвещение, и многое другое — родственное. Сергей Николаевич был истинным проповедником и просветителем, одним из самых образованных и культурных людей своего времени. И при этом — истинным поэтом. Не случайно в 1929 году Алексей Максимович Горький, прочитав его стихи и рассказы, сказал: «Вот здесь, в рассказе, я подчеркнул одну Вашу мысль. Вы пишете: «Вероятно, боязнь забыть слово и породила поэзию». Любопытно, очень любопытно!»

На протяжении всей жизни в литературе превыше всего ценил поэт Слово. И оно было ему подвластно, открывало свои тайны. А слово было сильным, живое, державное. Русское слово, помнящее свои истоки:

Я — русский. Дышу и живу
Широкой, свободной речью.
Утратил ее наяву —
Подобно чуме или увечью.

Бессмертной ее нареки!
Ее колыбель не забыта:
В истоках славянской реки
Сверкают алмазы санскрита.

Чиста, как серебряный меч
И свет в глубине небосвода,
Великая русская речь —
Надежда и счастье народа.

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

СЛУЖИТЬ ДВИЖЕНИЮ ВПЕРЕД

В этой небольшой московской квартире все напоминает о том человеке, чью фамилию носит хозяйка дома — Анна Дмитриевна Фурманова. Портрет Дмитрия Андреевича, его книги, беседы о его жизни, творчестве, рассказы встречавшихся с ним людей. Ежегодно в день памяти Д. А. Фурманова приезжают сюда москвичи и ивановцы, земляки Дмитрия Андреевича, гости из других городов. Присылают письма, телеграммы, в которых рассказывают о сегодняшней жизни мест, связанных с именем писателя.

«Писать надо то, что служит, непременно — прямо или косвенно — служит движению впе-

Если говорить о литературных направлениях, то поэзия Сергея Маркова представляет собой цветение той ветви, которая воспева живыми соками поэзии М. Цветаевой и М. Волошина, той ветви, к которой принадлежит замечательная плеяда советских поэтов, прежде всего — Н. Тихонов, П. Васильев, Б. Корнилов, Л. Мартынов. Все они, можно сказать, исповедовали знаменитое цветаевское: «Чувствам нужна сила».

Горячий ветер, солью гора
Сегодня губы не вяжи!
На землю пляшущие зори
Бросают алые ножи.

О чем звенит
намыленный ворох,
Где, как скопившаясь боль,
Сочится в стынущих озерах
Слезами мраморная соль?

С чуть розовой
горькой пылью
Смешался огненный песок.
Я жар солончаковый вылью
В илочување русла строк.

И — разве может быть
иначе? —
Так много ветра и огня,
Песнь будет шумной
и горячей,
Как ноздри рыжего коня.

Это стихотворение написано в 1924 году, тогда молодым еще поэтом. Но в нем уже видна установка, кредо художника: живописать словом. Ибо никакая графика не в силах передать полноты жизни, ее объемность, многомерность и красочность.

Метафорическое мышление отличает поэта от сочинителя. Ибо сочинитель может придумать любую метафору, найти любой образ, но они при этом не будут органичны. Метафоры же истин-

ного поэта всегда живы и предметно осязаемы, они поражают не сконструированностью на заданную мыслью тему, а живым и органическим ее развитием, где мысль вырастает из чувства и чувство ее продолжает. Где вообще нет между ними противоречия и противопоставления. Такие метафоры предполагают живописность, безукоризненное владение словом. И всегда в стихах истинного поэта есть жест — то стилизовое отличие, по которому мы почти мгновенно угадываем данного поэта. Жест Сергея Маркова — внезапная точность и осязаемость метафоры, внутри которой, как правило, светится неожиданной, свежий эпитет.

Бухарская еврейка продает
На улице окаменевший мед —
В хрустальной чаше
огненная мгла,
В ней опочила синяя пчела.

И вот не так ли
радости близка
Мгновенная щемлящая тоска?
Тоска покуда недоступна мне;
В холодном и сияющем огне
Тоска томится,
как пчела на дне...

И я брожу в завесах
теплой мглы
И восхваляю мужество
пчелы:
Она живет и пьет
прозрачный сон
И умирает просто,
как цветок.
И как награда
скромному труду,
Ее могила — в золотом меду...

С тех пор тоска,
что на душу легла,
Не тяжелей пчелиного крыла.

Как волшебное здесь слово «опочила», слово, которое, ругаясь за то, никогда не нашел бы стихосочинитель, ибо оно открыто интуицией, а не всезнающим и понимающим разумом. Стихотворение «Пчела», процитированное выше, — образец философской лирики Сергея Маркова, отличающейся необыкновенной естественностью и зримостью.

В отечественной поэзии след такой лирики проложен стихами Ивана Бунина. У него же — предметная точность, почти физическая осязаемость, где каждый предмет выписан детально, подробно, — до крылышка стрекозы и пыльца в середине цветка.

Обычно, говоря о поэте, ведут речь об основных мотивах его творчества, о круге тем, в котором черпает поэт вдохновение. Применительно к поэзии Сергея Маркова можно говорить о так называемой идее Евразий. Пожалуй, толчком к разработке ее послужило даже не то обстоятельство, что поэт родился в глубинной костромской России и долгое время жил потом в Казахстане, в Средней Азии. Просто он всею своею сутью, всею интуицией усвоил культуру этих мест. Сама история, по его мнению, определила и четко обозначила предуготованный судьбою и географией путь нашего развития, исток жизненной и художественной силы нашего искусства.

Я мерил жизнь
(и этим горд!)
И на степной салты;
Живя в стране
трех древних орд,
Я слушал их язык.

В бессмертном
«Слове о полку»,
Как буйная трава,
Вросли в славянскую строку
Кыпчакские слова.

На «фурмановских ежегодниках» можно было встретить известных члпавцев — генерал-полковника Героя Советского Союза Н. М. Хлебникова, генерал-лейтенанта А. Ф. Белякова, И. С. Кутякова, М. А. Попову, Александра и Клавдию Чапалых, друзей писателя А. Исаба, Ю. Либединского, А. Жарова, Я. Шведова, Вас. Соколова.

В этом году в доме А. Д. Фурмановой собралась литературоведы П. В. Куприяновский из Иванова, Ф. Г. Жарский из Шуи, Т. Б. Дмитриева, поэт П. Железнов, руководители школьных музеев имени Д. А. Фурманова З. Ф. Лебедева из Кинешмы и И. И. Рудоманен-

Идея эта существовала и в творчестве других писателей, но у Сергея Маркова она, на мой взгляд, особо жизненна и убедительна именно потому, что пронизана подлинным духом интернационализма и патриотизма.

В наше время много спорят о книжности в поэзии. Почему-то принято считать этот эпитет негативным. Но если обратиться к истории отечественной поэзии, то мы увидим, что в ней, как, впрочем, и вообще в начале отечественной литературы, лежит книжная традиция, которая особым образом (и это зависит от степени таланта художника!) сочетается с традицией бытописания, покоящегося к тому же на живой фольклорной основе. Таков Пушкин, таков А. К. Толстой.

«Книжные», «построенные» на исторических или литературных сюжетах, стихи Сергея Маркова дышат правдой живой жизни, остановленной ассоциативным пером художника. «Стендаль», «Сувров», «Сусанин», «Козьма Минин», «Велемир Хлебников в казарме», «Конец Беринга» — эти и другие стихи поэта претendent прежде всего на выражение духа времени, воссоздание исторически существовавшего лица в полноте и достоверности. Мне думается, это наиболее плодотворный, традиционный для нашей литературы путь. По нему уверенно и легко шел Сергей Марков.

Общеизвестно, что особенно полно проявляются все достоинства поэта (как, впрочем, и недостатки, если они есть) в его любовной лирике. Нужен особый такт и тонкость художественного восприятия и воспроизведения чувства, чтобы не впасть в пошлость и велемечивость. Иными словами — лирика — в собственном, первоначальном смысле этого слова — есть та лакмусовая бумажка, на которой проверяется вкус поэта как категория его художественности и подлинности. Сергей Марков за всю жизнь написал не очень много лирических стихотворений о любви. Но зато все они исполнены той «соразмерности и сообразности», той гармонии, которая одна, может быть, делает интимное чувство отдельного человека достоянием искусства, то есть необходимой принадлежностью всех людей.

Пусть я сегодня твой поной
Нарушил —
Истати или неистати,
Но осыпается левкой,
Стоящий у твоей кровати,

Он умер ночью, не дыша,
Пока окно твоё белело.
Его лиловая душа
Оставила сухое тело.

К таким стихам не нужны комментарии. И пересказать их нельзя, а разве что написать заново. Но это дано лишь истинному таланту.

Чтобы раскрыть творчество Сергея Маркова во всей глубине и широте, потребовалась бы целая книга. Но, думается, лучшее всего расскажут читателю о нем его стихи, его заветные мысли и чувства, подлинные открытия и переживания.

Судьба поэта — это судьба его слова, которое он так «боялся забыть».

Борис ПРИМЕРОВ

но из Славянского Краснодарского края со своими учениками, дочь славного бойца революции — Т. М. Фрунзе, М. Я. Зифтина, учившаяся вместе с Фурмановым в Московском университете, режиссер В. Шиловский, поставивший на сцене МХАТа «Мятеж».

Речь шла о том, как прошли мероприятия, посвященные 90-летию со дня рождения писателя, как воспитывают подрастающее поколение, помогают движению вперед его произведения, какие новые книги о жизни и творчестве Д. Фурманова вышли в издательствах страны, о возможностях создания мемориального музея в московской квартире писателя.

И. ШВЕДОВА